

(Шапошникова Л.В. Держава Рерихов: В 2т. – М.: МЦР. – Т. II.
– С. 370 – 382.)

Л.В.Шапошникова

ПРЕДАТЕЛИ

Ограждайтесь от предателей, зараза от них велика, и мы обязаны уберечь от них всех, доверчиво пришедших под свод храма Культуры! Слабость и непротивление злу не для нас. Когда нужно, мы поднимаем меч возмущенного духа и встаем на защиту всего доверенного нам.

Е.И.Рерих

Сначала — фрагмент рекламы, зазывно озаглавленный так: «Впервые в печати уникальные материалы из агни-йогических записей Елены Ивановны и Николая Константиновича Рерихов. Агни Йога. «Откровение» (1 том), «Высокий Путь» (2 тома)». И далее: «Первая из них представляет собой практически полное собрание записей, являющихся по существу до сих пор неопубликованными параграфами Живой Этики. <...> Они включают наряду со многими другими ценнейшими записями и те, которые Е.И. посчитала несвоевременным открывать миру в первых же книгах Нового Учения.

Двухтомник «Высокий Путь» — это подробнейшее собрание указаний и наставлений Учителя, обращенных лично к Е.И. и Н.К.Рерихам, как ученикам, проходившим практический опыт Агни Йоги и облеченным совершенно особой Высокой Миссией. Перед нами, наконец, открывается поразительная и захватывающая картина многолетней духовной эпопеи этих великих людей (включая уникальный Огненный Опыт Матери Агни Йоги), о которой до сих пор мы могли лишь догадываться по довольно скудным сведениям из уже опубликованных источников. Уверены, что эти три новых тома Агни Йоги станут лучшим духовным пиршеством для последователей этого Учения...»

Реклама, помещенная в Интернете издательством «Сфера», была сделана в самых лучших рыночных тонах. В качестве главного «блюда» этого «пиршества» были обещаны дневники Елены Ивановны Рерих, те самые дневники, срок публикации которых еще не пришел и на обнародование которых был наложен запрет самой Еленой Ивановной.

Оригиналы этих дневников были переданы в 1990 г. Святославом Николаевичем Рерихом в Международный Центр Рерихов вместе с остальным наследием Е.И. и Н.К.Рерихов. Тогда же он и дал инструкции, как поступить с дневниками. В 1992 г. С.Н.Рерих дополнил свои указания, позволившие нам опубликовать в 1993 и 2000 гг. книгу «У порога Нового Мира», носившую общий характер и не касавшуюся практики «Огненного опыта» Е.И.Рерих,

составлявшей сокровенную часть дневников, и о которой было сказано в рекламе: «Можно было только догадываться по скудным сведениям уже опубликованных источников».

Инструкции С.Н.Рериха в МЦР строго выполнялись. И вот теперь нам предлагали сомнительное «пиршество». Это было для нас тем более неожиданно, что хорошо знавшее нас издательство сделало все тайно и не уведомило МЦР, как заинтересованное лицо, о готовящейся публикации. Переговоры со "Сферой", которые состоялись в конце января этого года, ни к чему не привели. На официальное письмо с нашим протестом ответа не последовало¹. Зато последовала угроза, что все будет сообщено «самому Энтину». Так на сцене появилась еще одна фигура — «сам» господин Д.Энтин, исполнительный директор Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. «Сам» незамедлительно (1.02.02 г.) прислал письмо, которое по стилю и содержанию напоминало послание «благородного господина» из Америки кучке распоясавшихся негодяев из МЦР, посмеявших указать «Сфере» на ее незаконные и неэтичные действия. У господина Энтина были соображения этического и юридического характера. Последние сводились к следующему. Цитирую: «В 1948 году Елена Рерих написала Зине Фосдик (директор Музея Николая Рериха в Нью-Йорке с 1949 г. — *Л.Ш.*), объявив, что она предоставляет Зине и Дадлею, ее мужу, права на публикацию “в Америке и Европе”. Это письмо находится вне всякого сомнения в вашем архиве и ваши коллеги полностью осведомлены о нем. Возможно, в собственных интересах они решили не обращать на него внимания.

Эксперт по авторским правам заверил меня, что Музей в Нью-Йорке имеет преимущественные авторские права в отношении содержания записных книжек (имеются в виду дневники Е.И.Рерих — *Л.Ш.*), находящихся в архиве Амхерст-Колледжа. Потому что Елена Рерих послала записные книжки Зине Лихтман (позже — Фосдик) для использования в Америке и согласно Зининому завещанию все ее права были переданы Музею. Хорши держали эти записные книжки незаконно и потом отдали их в Амхерст-Колледж. Из их переписки с колледжем явствует, что, согласно закону, они контролируют доступ к записным книжкам, но не претендуют на авторские права в отношении самого материала. Никогда после ни в письмах, ни в каких-либо бумагах, подписанных кем-то, условия эти не изменялись. Правда, может возникнуть некоторая путаница в этом отношении, поскольку Святослав Рерих, не всегда точно представляя себе эти дела, претендовал на такие права или давал их другим, не имея в действительности у себя таких прав».

Оставим пока в стороне такой обычной для господина Энтина выпад против С.Н.Рериха, младшего сына Елены Ивановны и Николая Константиновича и их законного наследника.

«Я был полностью, — пишет далее вышеупомянутый господин, — осведомлен о мнениях Кэтрин Стиббе по многим вопросам в течение значительного количества лет. Мы с ней часто их обсуждали. Однажды в 1992

---

¹ Письмо было получено 11.02.02 г., но позиция его авторов оставалась прежней.

г. (как обычно, месяцы отсутствуют. — *Л.Ш.*), когда мы обсуждали с ней проблему о публикации материалов из архива (каких материалов и из какого архива? — *Л.Ш.*), Кэтрин была сначала против этого, потом засомневалась и мы решили позвонить Святославу и спросить его мнение и посоветоваться с ним. Много решалось именно в таких телефонных беседах, потому что Кэтрин разговаривала со Святославом по несколько раз в неделю.

Когда я спросил Святослава об этом деле (Кэтрин вряд ли позволила сделать это Энтину, она сама бы разговаривала. — *Л.Ш.*), он ответил сразу и вполне определенно: «Не должно быть больше никакой секретности. Все материалы должны быть доступны!»

Это был его ответ и это стало нашей практикой». Подождем немного с комментариями и обратимся к другому источнику, предварив его короткой исторической справкой.

Дневники Елены Ивановны, присвоенные Луисом и Нетти Хоршами во время их предательства, приведшего к гибели первого Музея Николая Рериха в Нью-Йорке², были не оригиналами, а авторскими копиями. После 1935 года Е.И.Рерих уже не посылала регулярно в нью-йоркский Музей копий своих дневников³. Вот о чем она писала в 1936 году.

Е.И.Рерих — З.Г.Лихтман (Фосдик. — *Л.Ш.*). 7.01.36 г.

«Несколько лет назад я просила Вас отдать г-же Нетти С.Хорш на хранение мои записи в тетрадях (датированные от 24 марта 1920 года и до 3 февраля 1935 года), причем эти материалы последовательно пополнялись. <...> Все это я прошу Вас забрать, посоветовавшись с юристами, и принять к себе на хранение (подчеркнуто мной. — *Л.Ш.*) до получения моих дальнейших указаний».

Е.И.Рерих — Г.Плауту, Г.Дэвису. 14.02.36 г.

«Настоящим я уполномочиваю Вас забрать у г-жи Нетти С.Хорш, 310 Riverside Drive, все мои дневники-манускрипты в черных тетрадях, написанные моим почерком, начиная от 24 марта 1920 г. до 3 февраля 1935 г. включительно. <...> Пожалуйста, передайте все эти тетради г-же Зинаиде Г.Лихтман, Нью-Йорк».

Н.К.Рерих, Е.И.Рерих — З.Г.Лихтман, Ф.Грант, К.Кэмпбелл, М.Лихтману. 11—12.03.36 г.

«Очень беспокоимся о манускриптах, ведь нельзя же захватить собственность Е.И. и нарушить все ее авторские права. В минутсах (протоколах судебного заседания по делу Л.Хорша. — *Л.Ш.*) имеются упоминания о том, что г-жа Хорш приняла манускрипты на сохранение (подчеркнуто мной. — *Л.Ш.*). Удерживать их она не имеет никакого права, в случае задержания манускриптов захватчиком может быть предъявлен большой иск за нарушение авторских прав».

² Годы спустя, он был снова восстановлен благодаря усилиям самих Рерихов и их преданных сотрудников, прежде всего Кэтрин Кэмпбелл и Зинаиды Григорьевны Фосдик.

³ Как позже выяснилось, Елена Ивановна отправляла Кэтрин Кэмпбелл лишь отдельные свои записи, датируемые 1935—1944 годами.

Е.И. и Н.К.Рерихи — З.Г.Лихтман, Ф.Грант, К.Кэмпбелл, М.Лихтману. 19.03.36 г.

«Неужели до сих пор не получены манускрипты Е.И.? Ведь это же прямая кража литературного достояния! В этих манускриптах столько собрано материала — легенд, пророчеств, старинных традиций, что украсть все эти по пути собранные материалы является определенным преступлением и должно быть судимо за большие убытки».

Е.И. и Н.К.Рерихи — З.Г.Лихтман, Ф.Грант, К.Кэмпбелл, М.Лихтману. 22.03.36 г.

«Задержание манускриптов является неслыханным преступным актом. Не знаем, что именно злоумышленники станут измышлять на основании этих манускриптов. <...> Очень хорошо, что Вы все являетесь свидетелями тому, что материал был только на хранении (подчеркнуто мною. — Л.Ш.), об этом же и в протоколах имеются неоднократные подтверждения. <...> Пишите о всех новых подходящих и загорающихся праведным негодованием против совершаемого злодеяния. Женские сердца, представители страны, мир ученый и художественный — должно же в них сказаться чувство справедливости!»

Н.К. и Е.И.Рерихи — З.Г.Лихтман, Ф.Грант, К.Кэмпбелл и М.Лихтману. 28–30.03.36 г.

«Дерзость и мерзость этой новой попытки присвоения манускриптов действительно превышает все меры. Возможно ли предположить, что от 20-го года все манускрипты подарены, и подарены двум (Нетти Хорш и Эстер Лихтман. — Л.Ш.), в одном этом уже заключено неправдоподобие. Ведь одна из этих двух даже не знает языка манускриптов!! Бывали ли такие случаи в истории, чтобы один дневник делился между двумя?! Кроме того, разве когда Зина возила из Монголии части дневника, ей не было известно, что он отвозится на сохранение (подчеркнуто мною. — Л.Ш.) ввиду нашего отъезда в Тибет. Да что говорить, когда я сам отвозил части этого дневника не в подарок, а в сохранение. Какая чудовищная попытка наглого присвоения труда за 16 лет!!»

Е.И. и Н.К.Рерихи — З.Г.Лихтман, Ф.Грант, К.Кэмпбелл, М.Лихтману. 12–13.04.36 г.

«Первые манускрипты-тетради прибыли в Америку лишь в 1925 году. Присла[ли] через Вл[адимира] Ан[атолевича] Шиб[аева] на хранение».

Н.К.Рерих, Е.И.Рерих — З.Г.Лихтман, Ф.Грант, К.Кэмпбелл и М.Лихтману. 19–20.04.36 г.

«...вчера отправили Вам телеграмму, предупреждая, чтобы предатели не стали извращать и злоупотреблять манускриптами-тетрадами. Ведь манускрипты были даны лишь на хранение, а некоторые тетради были даже запечатаны. Потому, если бы предатели стали злоупотреблять извращением смысла, то они покажут этим и злоупотребление им доверенным на хранение имуществом. Наверное, адвокаты знают соответствующую статью закона, охраняющую имущество, доверенное на хранение».

Е.И.Рерих — К.И.Стурэ. 29.05.36 г.

«Не только шеры (акции. — *Л.Ш.*) захвачены четою Хорш, но и все мои манускрипты-дневники за все 15 лет, которые я отсылала в Америку на хранение. Чтобы не вернуть их мне, они нагло утверждают, что я им подарила их. Но правдоподобно ли, чтобы весь литературный материал, собираемый за столько лет, из которого много еще не опубликовано, был бы подарен мною лицам, которые даже не знают языка (русского), [на] котором этот литературный материал написан!!! Но, конечно, это только часть их злоумышления, есть еще и другие. Истинно, преступление это в злобности своей превышает во многом предательство четы Куломб в деле Е.П.Блаватской и предательство Людовика шестнадцатого в отношении Сен-Жермена».

Е.И.Рерих — Н.П.Серафиминой. 12.06.36 г.

«Теперь об Америке. Предатели действуют самыми отвратительными подпольными мерами, рассылают письма с наветами по всем нашим друзьям, обществам и дружественным учреждениям. (Как это знакомо, господин Энтин! — *Л.Ш.*) <...> Конечно, по счастью, оригиналы (дневников. — *Л.Ш.*) я имею при себе, ибо при наших передвижениях я всегда опасалась иметь ценнейший материал в одной копии, но все же наглость их (*Хоршей. — Л.Ш.*) потрясающа, тем более, что есть свидетели того, что дневники эти посылались в Америку именно на сохранение. Манускрипты эти составляют 40 толстых тетрадей, труд не малый!»

Е.И.Рерих — г-ну Милликану. 31.07.36 г.

«Ваше глубокое понимание подскажет Вам принять срочные меры, чтобы спасти манускрипты <...> от дьявольских рук. Мое сердце разрывается от боли при мысли, что самое сокровенное могут осквернить, злобно исказить и выставить на посмешище. Лишь немногие понимают сокровенность Великого Руководства».

Е.И.Рерих — Г.Плауту, Г.Дэвису. 04.11.36 г.

«В дополнение к моему заявлению от 27 марта 1936 г. Относительно возвращения моих рукописей должна изложить следующее:

1. Первая партия книг, отправленных по морю г-ном В.Шибяевым из Италии на имя г-жи Зинаиды Г.Лихтман, Нью-Йорк, для хранения (подчеркнуто мною. — *Л.Ш.*), состояла преимущественно из тетрадей в черном картонном переплете американского производства. Они были исписаны крупным почерком, орфография старорусская.

2. Последняя партия была представлена тетрадями французского производства, много толще, в гибких черных клеенчатых обложках, текст был написан в современной русской орфографии, мелким почерком, чтобы не утяжелять посылку.

3. Последняя тетрадь, законченная 3 февраля 1935 г., самая большая, в голубой обложке с позолоченной рамочкой»⁴.

Из выше процитированных писем мы узнали, что Елена Ивановна в свое время сделала авторские копии ценнейшего для нее материала, боясь

⁴ Все цитируемые письма находятся в архиве МЦР.

подвергнуть случайностям оригиналы, которые могли привести к их утрате. Авторские же копии, которые она посылала в Америку, в таком случае могли спасти положение. Первые такие копии были доставлены в нью-йоркский Музей в 1925 году, последние в феврале 1935 г. Никаких сомнений не возникает, что они были отправлены на хранение, а не на их «использование в Америке», как утверждает господин Энтин.

Ко времени хоршевского предательства Елена Ивановна систематизировала и издала философские материалы, содержащиеся в дневниках и кончавшиеся 1935 годом. Это были первые книги Живой Этики. Однако опубликованный ею материал составлял лишь часть дневников, другая же — сокровенная, куда входила практика «Огненного Опыта», не была предназначена к публикации в ближайшем будущем. Получить обратно копии, присвоенные Хоршами, ей так и не удалось. Американские сотрудники оказались бессильны помочь ей. Какое-то время спустя Хорш продал дневники в Амхерст-Колледж, где они пребывают и до сих пор.

Из всех несчастий, которым подверглись Рерихи после предательства Хорша, потеря копии дневников оказалась для них самой большой и тяжелой. В руках предателя осталось самое сокровенное, то, ради чего Рерихи свершили свой жизненный подвиг.

И хотя господин Энтин утверждает, что письма Елены Ивановны не имеют никакого отношения к публикациям в издательстве «Сфера», я, тем не менее, позволю себе с ним не согласиться. Они имеют, да еще какое! Ибо свидетельствуют о юридическом положении тех дневников, которые были переданы в Америку. Напомню, что оригиналы Елена Ивановна оставила у себя, они там прекрасно сохранились, были переданы С.Н.Рерихом в МЦР, где они находятся и по сей день.

Таким образом, с самого начала вопрос о каких-то авторских правах ни Нетти Хорш, ни Зинаиды Григорьевны Фосдик, ни самого Музея не стоял. Авторские права продолжали принадлежать Елене Ивановне и она подтверждает это в своих заявлениях юристам, которые вели это нелегкое дело. Что же касается письма Елены Ивановны З.Г.Фосдик за 1948 г., на которое ссылается господин Энтин и точная дата которого умышленно опущена, то оно действительно существует в архиве Международного центра Рерихов, датировано 22 марта 1948 года и не имеет никакого отношения к лукавым утверждениям господина Энтина о том, что Е.И.Рерих «предоставляет Зине (Фосдик — *Л.Ш.*) и Дадлею, ее мужу, права на публикацию «в Америке и Европе». Вернее, не имеет отношения к дневникам Елены Ивановны. Цитирую: «Право на перевод и издание книг Учения в обеих Америках и Европе передаю Зиночке и Дедлею». Можно поражаться тем подлогом и обману, на которые идет «сам Энтин», стараясь доказать, что у нью-йоркского Музея есть права на издание дневников. Книги Учения — это не дневники, а те книги Живой Этики, которые были в свое время опубликованы или подготовлены к печати Еленой Ивановной. В цитируемом письме даже упоминаются конкретные книги Учения Живой Этики, такие, как «Агни Йога», «Беспредельность», «Сердце», «Иерархия» и другие. Полагаю, все ясно. Но одна ложь порождает другую. В

своем письме, как вы помните, господин Энтин утверждает — некий безымянный «эксперт по авторским правам» заверил его, что «Музей в Нью-Йорке имеет преимущественные авторские права на записные книжки (дневники Е.И.Рерих. — *Л.Ш.*), хранящиеся в архиве Амхерст-Колледжа». Мы же теперь хорошо знаем, что ни Зинаиде Григорьевне Фосдик, ни Нетти Хорш дневники не были вручены «для использования в Америке», а были отданы лишь «на хранение». Юридических документов, свидетельствующих об изменении статуса дневников Е.И.Рерих в Америке, нет и, по-видимому, не было. Так какое же право в этом случае на эти дневники могло быть в завещании Зинаиды Григорьевны? Напомню, что «сам» Энтин, в связи с условиями хранения дневников в Амхерсте, писал: «Никогда после ни в письмах, ни в бумагах, подписанных кем-либо, не было изменения этих условий». Для страховки мы запросили Амхерст-Колледж. Нам ответила Сьюзан Рэйн, представитель юридической фирмы, обслуживающей Амхерст-Колледж. «Вы просите меня, — писала госпожа Рэйн, — подтвердить, намеревался ли когда-либо Амхерст-Колледж передать издательские права на тетради Елены Рерих, которые находятся в его распоряжении, насколько я знаю, наш колледж никогда не передавал и не намеревался передавать такие права». (3.04.02 г.)

Потом появился миф о том, что С.В.Пилишек, директор издательства «Сфера», сам получил разрешение в Амхерст-Колледже на публикацию. Вновь был запрошен Амхерст-Колледж и та же Сьюзан Рэйн ответила следующее: «Амхерст колледж проверил свои архивы и уведомляет, что никаких документов, подтверждающих разрешение господину Пилишеку касательно работ Николая и Елены Рерих, не было найдено. Более того, господин Ланкастер (хранитель архива и библиотеки Амхерст-Колледжа. — *Л.Ш.*) не помнит, чтобы была какая-либо договоренность с господином Пилишеком относительно данного вопроса.<...> Данное заявление по вопросу передачи прав считать окончательным». (17.04.02 г.)

На этом кончается система юридических доказательств «самого Энтина» и примкнувшего к нему Пилишека и начинается так называемая этическая часть. Ее можно обозначить кратко: «живые и мертвые».

Удивительно, но факт — нередко в жизни тех, кто ушел от нас, открываются потрясающие моменты, о которых не знали не только их близкие, но даже они сами. В данном случае мы имеем дело с таким феноменом. Мне пришлось еще при жизни С.Н.Рериха и Кэтрин Стиббе соприкоснуться с обоими по поводу дневников Елены Ивановны Рерих. В начале 1990 года по приглашению Святослава Николаевича я приехала в Индию, в Бангалор, для подготовки наследия его родителей, Елены Ивановны и Николая Константиновича, к вывозу в Россию. Святослав Николаевич передавал это наследие Советскому Фонду Рерихов, впоследствии переименованному в Международный Центр Рерихов. Среди всего остального были и дневники Елены Ивановны, оригиналы, а не авторские копии, которые она когда-то отсылала в Америку. В один из дней у меня состоялась беседа со Святославом Николаевичем насчет этих дневников. Он сказал, что это самое важное, что

есть в наследии, что часть из них опубликована и вошла в книги Живой Этики, а часть ждет своего часа. Сейчас публиковать эти дневники нельзя, а что касается публикации целиком, то ее придется ждать немало времени. Потом мне были выданы инструкции, как обходиться с дневниками. Когда я привезла наследие в Москву, то сразу сообщила руководству МЦР и затем представителям рериховских организаций об особом статусе дневников. Полагаю, многие об этом помнят. В апреле 1992 года Святослав Николаевич написал письмо-обращение к рериховским организациям России и СНГ, в котором повторил и о данных мне инструкциях и недопустимости публикации в ближайшем будущем ряда материалов, находящихся в архиве МЦР. Господин Энтин считает это письмо фальшивым и, не смущаясь, заявляет об этом. В связи с этим я хотела бы задать Энтину вопрос. Что мешало ему проверить — прав он или не прав, утверждая, что письмо С.Н.Рериха фальшивое? Святослав Николаевич был тогда еще жив и находился в здравом уме и твердой памяти. Уверена, что именно последнее обстоятельство и удержало господина Энтина от подобного вопроса. Он сам понимает, что лжет. Он также беспардонно лжет, когда утверждает, что Святослав Николаевич в том же, 1992-м, году снял запрет на публикацию дневников и всех архивных материалов.

Если бы это по какой-то экстремальной причине и произошло, Рерих бы в первую очередь сообщил об этом туда, где хранились оригиналы этих дневников, и тем, кому он давал инструкции в отношении них. Святослав Николаевич, в отличие от Энтина, был юридически грамотен и никогда не подменял документов ни выдумками, ни ложью. Мне больно сейчас от того, что мелкий господин и те, кто ему помогают, стараются унизить своей ложью высокую Личность ушедшего...

То, что господин Энтин призвал в свидетели никогда не бывшего разговора со Святославом Николаевичем Кэтрин Стиббе, сейчас тоже покойную, не усиливает доказательство, а разрушает его. Если верить «самому», то становится неясным, почему он был в шоке от нашей публикации «У порога Нового Мира». Ведь, по его словам, Святослав Николаевич снял в 1992 г. все запреты на публикацию дневников — «Никаких секретов!» Так что же с вами случилось, господин Энтин, в 1993 году, когда вышла книга «У порога Нового Мира»? Или «снятие запрета» распространялось только на Музей в Нью-Йорке, а на Музей в Москве нет? Что же касается Кэтрин Стиббе, человека порядочного, высоконравственного и преданного делу Рерихов, то вряд ли можно поверить, что она обсуждала с вами «многие проблемы». Это тоже ложь. Я хорошо знаю её отношение к вам, но в отличие от вас не буду сообщать ее высказывания о вас. Они не добавят вам чести. Ее позиция в отношении дневников Елены Ивановны никогда при ее жизни не менялась. Это вы ее изменили после ухода Кэтрин.

Я опять должна привести свои свидетельские показания. Когда в начале 1990 года я работала с наследием в имени Рериха под Бангалором, Святославу Николаевичу позвонила Кэтрин Кэмпбелл (Стиббе. — *Л.Ш.*) и передала через него мне приглашение приехать к ней в Швейцарию, где она в это время жила в местечке Ла Тур де Пей на берегу Женевского озера. Потом она позвонила уже

мне и снова повторила свое приглашение. Я объяснила ей, что сейчас не могу к ней приехать, но сделаю это обязательно, когда кончу работу с наследием. На том и договорились. Потом я заинтересовалась у Рериха, с чем связано такое срочное приглашение.

— Видите ли, — сказал он, — Кэтрин очень беспокоится о дневниках моей матушки. Я объяснил ей, что дал вам соответствующие инструкции. Но Кэтрин надо знать. Она очень ответственный человек и хочет переговорить с вами лично. Я думаю, что для вас это будет полезно.

Так в июне 1990 г. я оказалась в гостях у Кэтрин Кэмпбелл. На следующий же день после моего приезда Кэтрин заговорила со мной о дневниках. Она рассказала мне об их значении и сообщила мне о воле Елены Ивановны — не публиковать их, по крайней мере в XX веке, а может быть и далее, в XXI.

— Я прошу вас, — сказала она, — строго следовать инструкциям Святослава.

Не думаю, что господин Энтин не знал об этом. Он находился в это время в Женеве и пару раз заезжал к Кэтрин в Ла Тур де Пей. Тогда мне показалось, что обошлась она с ним не слишком гостеприимно...

В конце 1991 года Кэтрин заказала две копии хранившихся в Амхерст колледже дневников Е.И.Рерих. Одну копию она отдала мне для нашего Музея, другую оставила в нью-йоркском Музее. И это был единственный материал, которым располагал Энтин и который без всякого на то законного основания отдал главному редактору «Сферы» Д.Попову для полной публикации в России.

Хотелось бы добавить к сказанному некоторые интересные факты, которые сообщил нашим представителям Д.Попов во время разговора, упомянутого в начале этой статьи. Из него мы узнали:

1. Что Попов не проконсультировался со мной, как с доверенным лицом С.Н.Рериха и директором Музея имени Н.К.Рериха, в архиве которого находятся оригиналы дневников Е.И.Рерих, только потому, что «Л.В.Шапошникова очень занята и к ней не пробиться».

2. Попов счел, что «та часть общества, которая за последние 10 лет ознакомилась с учением Живой Этики и другими источниками, готова к восприятию дневников Е.И.Рерих».

3. Срок публикации дневников Попов и его коллеги определили сами, «благо, что есть свои специалисты».

4. Копию дневников Е.И.Рерих Попов получил от «сохранившего их Д.Энтина».

5. На издание вышеупомянутых дневников есть согласие «самого» Д.Энтина. В какой форме, Попов не упомянул.

Здесь, что ни слово, то ложь. Я действительно очень занята, но каждый день десятки людей спокойно «пробиваются» ко мне с вопросами во много раз менее важными. Можно утверждать, что Попов и не собирался этого делать. Определение самим Поповым готовности части общества к «восприятию дневников Е.И.Рерих» не только ложь, но и чудовищная безответственность,

которая привела к установлению срока публикации самостоятельно Поповым, без каких-либо полномочий, выданных ему семьей Рерихов, в законной собственности которых находились эти дневники. Ссылка на поддержку каких-то мифических "специалистов" в этом незаконном действии не выдерживает критики.

Я твердо уверена, что ни один честный и грамотный специалист, «находящийся» в материале и знающий стиль работы Елены Ивановны, не мог взяться за работу подобного характера. Что, собственно говоря, сделал Попов? Он собрал не включенные Еленой Ивановной, по самым серьезным основаниям, ее беседы с Учителем за те же годы, что и опубликованные (1920–1935) ею и смастерил из них по собственному разумению «продолжение» Агни Йоги, или Живой Этики. Я могу назвать все это самой возмутительной духовной аферой. Ни один порядочный специалист не стал бы работать над таким материалом, который составляет лишь часть целого. Дневники за 1935–1955, которые в ряде случаев содержат разъяснения неопубликованного, остались, к счастью, недоступными для аферистов и непорядочных издателей. Нормальный специалист сразу бы отказался от подобной работы. Тех же «специалистов», которыми располагает Попов, специалистами считать нельзя.

И надо же понять в конце концов, что вопрос публикации дневников Е.И.Рерих вышеупомянутым образом не связан со «специалистами», а лежит в области юридической и этической.

Утверждение Попова, что Энтин «сохранил дневники», к самому Энтину никак не относится. Мы уже знаем, как он их получил (от Кэтрин) и «сохранил», пустив в преждевременную публикацию в чужой ему стране.

Думаю, что пора подвести окончательный итог. И главный из них состоит в том, что мы имеем дело с чудовищным предательством двух человек — господина Энтина и господина Попова. Первый, инициировав это предательство, обеспечил его материально и тактически. Второй реализовал его, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Ко всему этому необходимо добавить, что злодей Хорш, имея эти дневники у себя, не решился на их публикацию, хотя обладал для этого всеми возможностями. Черное дело Хорша, наконец, завершил Энтин с помощью Попова. Предательство Хорша и Энтина идет в одном русле. Первый незаконно завладел дневниками Елены Ивановны, второй точно таким же образом присвоил себе авторские права на те же дневники и тайно употребил их во зло. Вред предательства они разделили поровну. Хотя могут быть и иные мнения о черных долях, принадлежащих каждому из них.

Смею думать, что это не только предательство, но и крупная провокация, совершенная двумя лицами, первым — с полным расчетом, вторым — могу еще предположить — по глупости и безответственности. Но это дела не меняет. Провокация предпринята в очень тяжелых условиях существования МЦР и рериховских организаций в России. Господин Энтин прекрасно осведомлен об этом. Ведь он так часто приезжает в нашу страну... За это время он собрал вокруг себя людей амбициозных, с недостаточным уровнем сознания. Полагаю,

что они не замедлят выступить в защиту «американского наставника», который учит их, как воспринимать Живую Этику.

Господин Энтин давно уже наполняет свои письма и сайты Интернета клеветой и ложью на МЦР и его руководство. Известно, что Хорш поступал так же, выпуская зловонные струи клеветы и лжи против Рерихов в своих многочисленных письмах и публикациях. Есть латинская пословица «Мертвый хватает живого». Хорш ухватил нас, но смог он это сделать через живых — Энтина и Попова. Благодаря им мы оказались свидетелями грязного предательства и можем теперь понять то, через что прошли Елена Ивановна и Николай Константинович, когда Хорш предал их и оклеветал.

Не успела я закончить свою статью, как в Москву пришло письмо Энтина. «Как Вам известно, — сообщает он, — в октябре Людмила Шапошникова объявила крестовый поход против каждого, кого она считает врагом или опасностью для ее контроля над всем Рериховским движением. Теперь этот крестовый поход проявил себя в разрушительной попытке помешать издательству «Сфера», публикующему абсолютно легальные книги, содержащие материал, который не контролирует Международный Центр». В письме была оклеветана Международная научно-общественная конференция, проходившая в октябре 2001 года в защиту имени и наследия Рерихов. Все 400 участников из России, СНГ и стран дальнего зарубежья могут свидетельствовать о том, что конференция обсуждала более важные вопросы, нежели «Крестовый поход Шапошниковой». Лица с таким уровнем сознания, как у господина Энтина, склонны приписывать собственные побуждения другим.

Ну, а что касается несвоевременной и незаконной публикации дневников Елены Ивановны Рерих вышеупомянутым издательством «Сфера», рериховцы России разберутся в этом сами и если захотят, сообщат Энтину свое мнение на этот счет по почте, телефону, через Интернет или по другим доступным им средствам коммуникации.

И хотелось бы статью завершить цитатой из Живой Этики, очень уж она к месту. «Слышу вопрос — почему так много слов о предательстве? Именно потому, что предательств много. Когда кобра заползает в дом, о ней много говорят. Перед землетрясением змеи выползают наружу. Сейчас много таких змей»⁵.

12.02.2002 г.

P.S.⁶ Что касается письма Елены Ивановны З.Г.Фосдик за 1948 год, на которое ссылается господин Энтин и точная дата которого умышленно опущена, то оно действительно существует в архиве Международного Центра Рерихов, датировано 22 марта 1948 года и не имеет никакого отношения к лукавым утверждениям господина Энтина о том, что Е.И.Рерих “предоставляет

---

⁵ Мир Огненный. Ч. 3, 548

⁶ Авторское дополнения к статье.

Зине (Фосдик. - *Л.Ш.*) и Дедлею, ее мужу, права на публикацию “в Америке и Европе”. Вернее, не имеет отношения к дневникам Елены Ивановны. Цитирую: “Право на перевод и издание книг Учения в обеих Америках и Европе передаю Зиночке и Дедлею”. Можно поражаться тем подлогом и обману, на которые идет “сам Энтин”, стараясь доказать, что у нью-йоркского Музея есть права на издание дневников. Книги Учения - это не дневники, а те книги Живой Этики, которые были в свое время опубликованы или подготовлены к печати Еленой Ивановной. В цитируемом письме даже упоминаются конкретные книги Учения Живой Этики, такие как “Агни Йога”, “Беспредельность”, “Сердце”, “Иерархия” и другие. Полагаю, все ясно.

На запрос МЦР о дневниках Е.И.Рерих нам ответила Сьюзан Рэйн, представитель юридической фирмы, обслуживающей Амхерст колледж. “Вы просите меня, - писала госпожа Рэйн, - подтвердить, намеревался ли когда-либо Амхерст колледж передать издательские права на тетради Елены Рерих, которые находятся в его распоряжении, насколько я знаю, наш колледж никогда не передавал и не намеревался передавать такие права” (3.04.02 г.).

Потом появился миф о том, что Пилишек, директор издательства “Сфера”, сам получил разрешение в Амхерст колледже на публикацию. Вновь был запрошен Амхерст колледж, и та же Сьюзан Рэйн ответила следующее: “Амхерс колледж проверил свои архивы и уведомляет, что никаких документов, подтверждающих разрешение господину Пилишеку касательно работ Николая и Елены Рерих, не было найдено. Более того, господин Ланкастер (хранитель архива и библиотеки Амхерст колледжа. - *Л.Ш.*) не помнит, чтобы была какая-либо договоренность с господином Пилишеком относительно данного вопроса.<...> Данное заявление по вопросу передачи прав считать окончательным” (17.04.02 г.).